

Смирнова Н.А.

Оренбургский государственный университет
E-mail: natalialexmir@mail.ru

ПРАВОСЛАВНАЯ ТРАДИЦИЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ РЕФОРМАЦИИ И ПРОТЕСТАНТИЗМА

В статье рассматриваются проблемы современной историографии Реформации и целесообразность обращения к трудам православных исследователей XIX века. На примерах работ В. Соколова, В. Михайловского, Х. Ретивцева и других автор доказывает исследовательскую и мировоззренческую значимость православной традиции изучения истории европейской Реформации и протестантизма, особенно – англиканства.

Ключевые слова: Реформация, протестантизм, англиканство, православная историческая традиция, современная историография, религиозная и церковная история Европы.

Исследования по истории европейской Реформации и протестантизма в отечественной историографии можно расположить между двумя полюсами: православной традицией, сформированной церковными историками, религиозными философами, общественными и политическими деятелями XIX века; и традицией материалистической, руководствующейся представлениями о социально-экономической обусловленности Реформации, как, впрочем, религиозной и церковной истории в целом. Следует заметить, что последняя позиция подвергается в историографии конца XX – начала XXI века серьезному пересмотру, первая же, напротив, вызывает все больший интерес.

Современная историческая мысль, освобождаясь от материалистического догматизма, признает религию одним из ключевых факторов, определяющих облик общества, тем более если речь идет об истории средних веков и раннего нового времени. Подход к религии как цельному историко-культурному явлению при исследовании протестантизма особенно правомерен, так как учение реформаторов, оформив наиболее концептуально опыт массового сознания, определило общий вектор политического и культурного развития Западной Европы в Новое время.

Для XX века характерен поиск нерелигиозных причин того, почему люди придерживаются определенных религиозных верований и практик. Бесспорные исследовательские успехи в этой сфере связаны с выявлением общего между историей церкви и событиями в жизни светского общества. Однако жесткая привязка религиозной и церковной истории к соци-

ально-экономическим или политическим процессам привела к кризису в концептуальном понимании Реформации, вызвала необходимость выработки новых исследовательских подходов или внимания к старым, даже если современным исследователям (Э. Норман) кажется, что от них «веет антикварной стариной» – речь идет о церковной истории и методах ее исследования [1, с. 196]. Именно история Реформации ярко иллюстрирует практическую, реальную жизненную силу богословских идей, способность богословских систем не только отражать, но и творить реальность, что всегда было очевидным для церковных историков. Еще в середине XIX века Дж.Э. Актон писал, что светским историкам есть чему поучиться у церковных, например, пониманию причин человеческого поведения [1, с. 197].

В наше время все чаще и все более доказательно подвергается сомнению противопоставление теологии и социальных наук, как взаимоисключающих сфер, поскольку, по словам А.Дж. Диккенса, «религия существует в реальных человеческих обществах, а не в какой-то духовной стратосфере» [2, с. 1]. Историки, которые не включают теологию в сферу своих интересов, по мнению последователей Диккенса, сбились с верного пути, так как это искажает изучение истории еще больше, чем исключение из области исторической причинности влияния индивидуальной человеческой мотивации в действиях. Все больше исследователей считают, что для понимания Реформации необходимо углубленное внимание к богословскому содержанию происходивших процессов и событий, к эволюции богослужения в реформационный период.

Религиозные реформаторы XVI века яростно дискутировали по вопросам, которые кажутся современному человеку внешними, а современному исследователю – второстепенными: надо ли кланяться в церкви, где должен стоять стол для причастия, когда, где и как произносить слова молитвы. Следует признать, что вопросы эти необыкновенно важны не только для современников Реформации, но и для ее исследователей. Если бы Лютер, Кальвин, Цвингли, Кранмер¹ посвятили свою жизнь обсуждению свода абстрактных тезисов, далеких от насущных проблем XVI века – они ушли бы с европейской сцены в лучшем случае с таким же влиянием, какое оказывали великие поэты и художники. Однако мы видим, что Реформация стала процессом создания новых смыслов и ценностей, сохранившихся до наших дней, и отнюдь не только в традиции.

Возможно ли оценивать реформационные преобразования и протестантизм во всем его многообразии без богословского анализа? Даже если поставить задачу изучения не того, во что должны были верить люди, а того, во что они фактически верили, как они относились к своим верованиям, как осознавали значение и функции этих верований – решение этой задачи в современной отечественной исторической науке представляется вероятным именно благодаря мощной традиции изучения Реформации в трудах православных церковных историков, несмотря на всю их «тенденциозность и описательность».

Заметим, что история реформационных преобразований никогда не оценивалась однозначно, даже наоборот – диапазон мнений и характеристик, как правило, отличала полярированность: в XVI–XVII веках историю Реформации с противоположных позиций писали католики и протестанты; в XIX – начале XX века актуализировалась полемика между «ревизионистами, ностальгирующими по католицизму», и либералами – «гордыми сторонниками протестантского триумфализма»; наше время характеризуется несовпадением мнений и разницей в подходах между сторонниками материалистического, социологизаторского, постмодернистского [3, с. 8–12] кон-

цепта и теми, чья позиция может быть выражена риторическим вопросом – разве могут материалисты поставить и тем более разрешить задачу осмысления отношений между вечностью и временем, между историей священной и человеческой, между Провидением и свободой воли.

Кристофер Хейг так формулирует вызов современной науке: «Исследование Реформации нуждается в такой версии религиозного конфликта и преобразований, которая включала бы в себя видение ситуации по обе стороны религиозного «забора», включая тех, кто сидел на заборе, кто не мог найти этого забора, и тех, кто не понимал, почему вокруг этого забора поднялся такой шум» [4, с. 293–295].

Для православной историографии XIX века, все представители которой, конечно же, «по одну сторону забора», характерно двойное рассмотрение протестантизма: критика его богословской концепции (Феофан Затворник, П. Флоренский, С. Булгаков, К. Победоносцев) и продуктивный исследовательский интерес к истории Реформации, ее деятелей, ее направлений, особенно англиканства (В. Михайловский, В. Соколов, Н. Делицын, Х. Ретивцев, А. Булгаков, Н. Бондарь, А. Потехин).

Общая установка, провозглашаемая православными богословами и историками в исследовании инославных конфессий, опирается на слова Григория Богослова о христианах, оказавшихся в отколовшихся от Церкви сообществах: «Мы добиваемся не победы, а возвращения братьев, разлука с которыми терзает нас», или даже на слова апостола Павла, приведенные в Первом послании к Коринфянам: «Надлежит и быть разномыслию между вами, дабы открылись искусные» (11:19).

Однако богословские аргументы и оценки априорно категоричны: Феофан Затворник в одном из своих писем сравнивает действие Духа Святого в мире с человеческим дыханием и далее говорит, что «легкие, в которых это дыхание совершается – Святая Церковь... Лютеране похожи на тех, у кого три четверти легких сгнило, а остальная дотлевет...» [5, с. 25].

П. Флоренский критикует протестантизм за рационалистический характер, видит в нем

¹Мартин Лютер, Жан Кальвин, Ульрих Цвингли, Томас Кранмер – выдающиеся европейские реформаторы XVI века, «отцы Реформации».

некий фанатизм научности, стремление зафиксировать пункты своей веры в понятиях: «Определенная вероисповедная формула, символ или система формул, текст Писания – вот критерии церковности для протестанта... Решающим здесь является понятие» [6, с. 12].

С. Булгаков считает ошибочным опору на одно лишь Писание: «Христос завещал нам Себя Самого, а не набор книг. Значит, последующую жизнь христианства нельзя свести лишь к Писанию»; безграничный рационализм, подрывающий все общепризнанные церковные авторитеты: «Профессора богословия в протестантизме – единственный церковный авторитет: они вероучители и хранители церковного предания. Протестантизм есть в этом смысле профессорская религия; говорю это без всякого оттенка иронии или похвалы, просто констатируя исторический факт» [7, с. 147].

К.П. Победоносцев дает оценку моральных последствий принятия одного из протестантских направлений – англиканства: «Доктрина англиканства как будто говорит: блаженны крепкие и сильные в деле, им принадлежит царство. Да, скажем мы, царство земное, но не царство небесное. Именно в этом воззрении протестантизма – в поддержке сильного – не чувствуется жизненного религиозного начала, а лишь конструкция мысли и оболочения... Страшно читать иных английских писателей... у них нельзя найти никакого сострадания к потерпевшему неудачу. И какое презрение они должны чувствовать к русскому человеку, у которого в душе как раз есть такое сострадание... Достоинства протестантизма достаточно выяснились в истории германского и англо-саксонского племени. Пуританский дух создал Британию. Протестантское начало привело Германию к силе, к дисциплине и к единству. Но, начав с проповеди о терпимости, свободе мысли и верования, протестантизм в дальнейшем развитии своем выказало склонность к фанатизму особого рода – фанатизму гордого разума и самоуверенной праведности перед всеми прочими видами верования» [8, с. 460–476].

Таким образом, основная претензия православных теоретиков к протестантизму заключается в следующем: христианство никогда не сводилось лишь к знанию, так как знание, как таковое, не несет в себе спасающей

силы. Кроме того, нельзя на место соборного опыта церкви поставить произвол и случайность личных переживаний толкователей Священного Писания, лишить земную церковь элемента потусторонности и святости.

Из этих же позиций исходят и церковные историки, авторы замечательных трудов, положивших начало изучению в России проблем Реформации. Современные историки привычно критикуют эти работы за «описательность, преобладание перечисления фактов над оценками» и «зависимость оценок от конфессиональной – православной – принадлежности авторов» [9, с. 10–11]. Заметим, что описательность, сбор и изложение фактических данных – с опорой на источник – и в наше время все еще могут считаться базой, отправной точкой для теоретических построений. Что же касается зависимости от конфессиональной принадлежности – в определенном смысле это не недостаток, а достоинство исследователя, позволяющее точнее определить богословскую специфику протестантизма, невозможную без глубокого понимания христианства, христианского отношения к личности, как к фундаментальной ценности, субъекту истории и культуры, чье достоинство имеет трансцендентный характер.

Необходимо заметить, что ответ на вопрос: следует ли историку абстрагироваться от своей конфессиональной идентичности и в какой степени это является залогом объективности исследования, отнюдь не так очевиден, как это может показаться на первый взгляд.

Кристофер Брук считает, что «если историк религии пытается полностью отделить себя от своей вероисповедной принадлежности, он обманывает себя и читателя, или же он просто циничен и слеп» [1, с. 196]. Конечно, традиционная форма церковной истории – моралистическая и дидактическая – призвана демонстрировать религиозную истину и раскрывать посредством истории, как Провидение ведет христианские институты в их развитии, что в известной степени сужает гносеологические горизонты, и если историк полностью находится под влиянием своих религиозных верований – его работы вряд ли могут считаться серьезным академическим исследованием. Но могут помочь заполнить лакуны материалистического и атеистического созна-

ний, особенно в характеристике вероучения и богослужения, которая содержится практически во всех рассматриваемых работах.

В русле церковной традиции, берущей свое начало от трудов Евсевия, православные историки руководствуются желанием помочь «братьям по вере» преодолеть «брожение стихий», «присоединиться к Православию, обратиться к земле Востока, где впервые взошло и воссияло солнце правды» [10, с. 282], ведь и сами англикане, «...строго отделяя себя от протестантов и стараясь сближать свою Церковь с Церковью древней, исправляли заблуждения прежних реформаторов и приближались к учению православному..., начали обращать свои взоры к православной церкви восточной, как единой истинной Церкви Христовой» [11, с. 50]. Руководствуясь этой целью, они стремятся найти в английской истории события, подтверждающие особую близость русского и английского путей; сопоставить православие и англиканство, найти в англиканстве «следы истинной религии»: «С давних пор Англия составляет предмет особенного внимания и изучения русских. Административное устройство Англии, торговля, флот, воспитание – все это служит предметом наблюдений и исследований русского ума. Не меньшего, и даже большего внимания преимущественно русских (православных) заслуживает Англия в отношении к церковным вопросам. Признанное господствующим в Англии вероисповедание, и сама англиканская церковь замечательным по силе и изумительным для протестантского мира ортодоксальным движением останавливает на себе внимание христиан всех вероисповеданий» [10, с. 2]. Более того, «...не подлежит никакому сомнению, что Британский полуостров (? – Н.С.) принял веру христианскую от восточных проповедников» [10, с. 3–4]. «Древние обитатели Англии, получившие первые начатки Веры Христовой с Востока от греков, окончательно обращены были в христианство миссионерами папы Григория Великого» [11, с. 1]. «Во внешнем устройстве и богослужении Церкви английские реформаторы оставили

много такого, что соединяло ее с Церковью вселенской (Православной – Н.С.) и отличало от прочих протестантских обществ. Книга общих молитв 1548 г. также носила на себе характер древности» [11, с. 12–15].

На этих же позициях стоят современные православные специалисты по сравнительному богословию², так о. Максим Козлов пишет: «Англиканское исповедание ближе других стоит к православию. Отношение к англиканству в православии более благосклонное, чем к другим протестантским церквям» [5, с. 311].

Все авторы, так или иначе, сопоставляют протестантские направления с католичеством, и если в случае с лютеранством и кальвинизмом недостатков в них оказывается существенно больше, то, по сравнению с англиканством, католическая доктрина и особенно церковь заслуживают большей критики: «Протестантизм есть крайность, вызванная другой крайностью – католичеством. Он есть законное, достойное исчадие своей матери – латинской церкви» [10, с. 270]. «Английские богословы старались благоразумно очищать учение римско-католическое от позднейших в нем нововведений и заблуждений папства, и сближались с учением православным» [11, с. 11]. «Англиканство – результат сопротивления христиан Англии тирании Римского епископа и мерзкому бесчинству» [5, с. 19].

Пожалуй, именно этими аспектами – христианизация Британии, стремление англикан к православию, характеристика католической церкви – и ограничивается тенденциозность православных историков³.

Что же касается детального разбора вероучения, богослужения, иерархии, внутреннего управления церкви, то в литературе XX – начала XXI века не появилось исследований, которые могут конкурировать с работами православных историков. Не теряют своей актуальности и многие характеристики исторических процессов, происходивших в Европе в целом, и Англии в том числе, и, соответственно, протестантизма и англиканства, деятелей и событий эпохи Реформации.

²Сравнительное богословие – дисциплина, изучаемая в духовных учебных заведениях. Цель: «Изложение краткой истории и наиболее существенных догматических заблуждений основных не православных исповеданий» [5, с. 18].

³«Беспристрастие не есть безучастие, не есть равнодушие, не есть отказ от оценок... Историк никогда не должен забывать, что изучает он и описывает творческую трагедию человеческой жизни» Г. Флоровский [12].

Н. Делицын: «В сформировавшемся уже англиканстве всегда есть основания для разного толкования. Если опираться на 39 статей – учение веры основывается на праве свободного исследования, если на книгу общих молитв – авторитет священной христианской древности. Отсюда – двойственное отношение к источнику веры; епископату; добрым делам; власти церкви» [11, с. 33].

Х. Ретивцев: «Англиканство обязано своим происхождением желанию – с одной стороны – свергнуть гнет папства, действительно тяготивший народ, с другой – ограничить широту свободных протестантских начал. Характер англиканской вероисповедной формы – смешанность, неопределенность и в догматике, и в практике, соединение предания и внешних церковных форм с отвлеченными и свободными положениями лютеранства и реформатства» [13, с. 15]. «Англия – страна плоти и духа вместе, страна прогресса и консерватизма, свободы и строгого уважения к форме и традиции, страна не рефлексии, а реализма, не синтеза, а анализа и факта» [13, с. 168–169]. «То, что Генриху VIII обычно приписывают реформацию как дело личное – это совсем не историческое воззрение и решительная неправда. Генрих был страшный педант и схоластик, воспитанный на Фоме. Сочинения Лютера раздражали его ученое самолюбие» [13, с. 172].

С. Бондарь выявляет специфику англиканства в Англии, Шотландии, Ирландии с подробным описанием чиннопоследования, таинств, обрядов, праздников, постов [14]. В. Соколов не оставляет за пределами своего фундаментального труда, пожалуй, ни одного аспекта Реформации в Англии при Генрихе и Эдуарде: возрождение ереси лоллардов в 20-е гг. XVI столетия, распространение про-

тестантской идеологии, антиклерикализм в обществе, влияние иностранных протестантов на Англию и многое другое, остающееся за пределами внимания современных исследователей [15].

Нельзя сказать, что наследие православных историков остается вне научного оборота [16; 17], однако определенная система ценностей и культурных связей, которые непроницаемы для марксистской науки, как, впрочем, для любой другой атеистической, не в полной мере оценена и задействована. Сосредоточение на богословии и истории деноминаций уязвимо в той же степени, как рассмотрение религии как продукта определенных социальных условий⁴. Необходимо сочетать в себе глубокое знание религиозных форм и религиозного опыта и способность понять эти религиозные явления в их социальном контексте.

Чрезмерная приверженность атеизму, постоянное стремление понять религиозные импульсы и опыт как влияние чего-то внешнего: политических, социальных противоречий, конфликтов, групповых интересов или противоречий между социальными стратами или полами, не только подрывает целостность предмета истории, но и делает невозможной аутентичную реконструкцию опыта, выбора, познавательных структур отдельных групп и личностей в обществе.

По словам Владимира Соловьева, «метафизик» более внимателен «к умозрительной связи идей, нежели к фактической последовательности явлений», и внимание к этой связи, столь характерное для православной исторической и философской традиций, не только отвечает вызовам современной исторической науки, но и возвращает нас в смысловое поле русской культуры.

20.04.2012

Список литературы:

1. Ерохин, В.Н. Методологические подходы к изучению истории религиозной Реформации в Англии в современной британской историографии. Монография. – Нижневартовск: Изд-во Нижнев. гуманит. ун-та, 2000. – 227 с.
2. Dickens A.G., Tonkin J. The Reformation in Historical Thought. – Cambridge: Harvard University Press, 1985. – 456 p.
3. Шушарин, Д.В. Две Реформации. Очерки по истории Германии и России. – М.: Дом Интеллектуальной книги, 2000. – 278 с.
4. Haigh, C. English Reformation. Religion, Politics and Society under the Tudors. – Oxford: Clarendon press, 1993. – 367 p.
5. Протоиерей Максим Козлов, Огицкий Д.П. Западное христианство: Взгляд с Востока. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009. – 608 с.

⁴«Гипотеза об экономической предопределенности всех общественных процессов так и осталась гипотезой. Она не доказывалась, а навязывалась гуманитарным наукам внеучными способами, осталась заклинанием, магической формулой» [3, с. 8].

6. Флоренский, П. «Столп и утверждение истины». Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. – М.: Академический проект, 2012. – 906 с.
7. Булгаков, С.Н. Современное арианство // Тихие думы. Из статей 1911–1915 гг. – М.: Изд. Г.А. Лемана и С.А. Сахарова, 1918. – С. 146–179.
8. Победоносцев, К.П. Государство и церковь. Том I. Терпимость и равнодушие в вероисповедных вопросах. Русские листки из-за границы. Противоречия в Англиканской церкви. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 695 с.
9. Иванова, О.Ю. Реформа канонического права как часть английской Реформации (1529 – 1553). – Смоленск: Универсум, 2008. – 168 с.
10. Михайловский, В.Я. Англиканская церковь и ее отношение к православию. – СПб.: Типография Безобразова и К°, 1864. – 283 с.
11. Делицын, Н.Н. Очерк истории англиканской церкви. – СПб.: Типография Департамента уделов, 1860. – 50 с.
12. Флоровский, Г.В. Пути русского богословия. – Париж: [б. и.], 1937. – 574 с.
13. Хрисанф (Ретивцев). Характер протестантизма и его историческое развитие. Выпуск первый (I–IV). – Санкт-Петербург: Типография Департамента уделов, 1868. – 217 с.
14. Бондарь, С.Д. Англиканская епископальная церковь. Записка. – Санкт-Петербург: Типография Министерства внутренних дел. 1911. – 100 с. – Серия «Очерки исповеданий», издаваемые под редакцией А. Н. Харузина, Директора Департамента Духовных Дел.
15. Соколов, В.А. Реформация в Англии: (Генрих VIII и Эдуард VI). – М.: Типография Л.Ф. Снегирева, 1881. – 540 с.
16. Ерохин, В.Н. История религиозной реформации в Европе в XVI – начале XVII веков. – Нижневартовск: Изд-во НГПИ, 2004. – 310 с.
17. Смирнова, Н.А. Реформация в Англии. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2011. – 226 с.

Сведения об авторе:

Смирнова Наталья Александровна, заведующий кафедрой всеобщей истории

Оренбургского государственного университета, кандидат исторических наук

460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 2209, тел. (3532) 372571, e-mail: natalialexmir@mail.ru

UDC 930.2:272 / 279

Smirnova N.A.

Orenburg state university

E-mail: natalialexmir@mail.ru

ORTHODOX TRADITION OF STUDYING OF HISTORY OF EUROPEAN REFORMATION AND PROTESTANTISM

The article deals with problems of the modern historiography of Reformation and the feasibility of reference to the works of Orthodox researchers of the XIX century. On examples of works of V. Sokolov, V. Mikhaylovsky, Ch. Retivtsev and others author argues the research and worldview importance of Orthodox tradition of studying of the history of the European Reformation and Protestantism – especially Anglicanism.

Key words: Reformation, Protestantism, Anglicanism, Orthodox historical tradition, modern historiography, religious and church history of Europe.

Bibliography:

1. Erokhin, V.N. Methodological approaches to studying of religious history of the Reformation in England in modern British historiography. Monograph. – Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk Humanitarian University, 2000. – 227 p.
2. Dickens A.G., Tonkin J. The Reformation in Historical Thought. – Cambridge: Harvard University Press, 1985. – 456 p.
3. Shusharin, D.V. Two Reformations. Essays on the history of Germany and Russia. – М.: House of intellectual book, 2000. – 278 p.
4. Haigh, C. English Reformation. Religion, Politics and Society under the Tudors. – Oxford: Clarendon press, 1993. – 367 p.
5. Archpriest Maxim Kozlov, Ogitsky. D.P. Western Christianity: A View from the East. – Moscow: Publishing House of Sretensky monastery, 2009. – 608 p.
6. Florensky, P. «The Pillar and ground of the truth». Experience of Orthodox theodicy in twelve letters. – М.: Academic project, 2012. – 906 p.
7. Bulgakov, S.N. Modern Arianism // Quiet thoughts. From articles of 1911–1915. – Moscow: Publishing House of G.A. Lehmann and S.A. Sakharov, 1918. – P. 146–179.
8. Pobedonostsev, K.P. State and Church. Volume I. Tolerance and indifference in religious matters. Russian leaflets abroad. Contradictions in the Anglican Church. – М.: Institute of Russian Civilization, 2011. – 695 p.
9. Ivanova, O.Y. Reform of canon law as a part of the English Reformation (1529 – 1553). – Smolensk: Universum, 2008. – 168 p.
10. Mikhaylovsky, V.Y. Anglican Church and its relationship to Orthodoxy. – St. Petersburg: Typography of Bezobrazov and K°, 1864. – 283 p.
11. Delitsyn, N.N. Essay on the history of the Anglican Church. – St. Petersburg: Typography of Department of fiefdoms, 1860. – 50 p.
12. Florovsky, G. Ways of Russian Theology. – Paris, 1937. – 574 p.
13. Chrysanth (Retivtsev). The nature of Protestantism and its historical development. First issue (I–IV). – St. Petersburg: Typography of Department of fiefdoms, 1868. – 217 p.
14. Bondar, S.D. Anglican Episcopal Church. Note. – St. Petersburg: Typography of the Ministry of Internal Affairs, 1911. – 100 p. – Series «Essays on confessions», published under the editorship of A.N. Haruzin, Director of the Department of Religious Affairs.
15. Sokolov, V.A. The Reformation in England (Henry VIII and Edward VI). – Moscow: Typography of Snegirev L.F., 1881. – 540 p.
16. Erokhin, V.N. History of religious reformation in Europe in XVI – early XVII centuries. – Nizhnevartovsk: NGPI, 2004. – 310 p.
17. Smirnova, N.A. Reformation in England. – Orenburg: PIK GOU OGU, 2011. – 226 p.